

УДК 1(091)

**ПОДХОДЫ В ВОСПРИЯТИИ ХАРАКТЕРА АРИСТОТЕЛЯ
В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

О. С. Егорова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
oksana12egorova@gmail.com

Аннотация. В статье проводится обзор разножанровых текстов русской интеллектуальной литературы второй половины XVIII – начала XX вв., содержащих сведения о характере Аристотеля. Выделяются основные направления восприятия характера античного философа в русской культуре, их особенности и источниковая база. Сделан вывод о связи преобладающих в литературе XVIII в. представлений об Аристотеле как о благочестивом человеке с ценностями отечественной культуры данного периода. Последующая литературная традиция работала непосредственно с историческими и псевдоисторическими свидетельствами. Приблизительно до середины XIX в. из них заимствовались интересующие факты, на основе которых строились представления о характере Аристотеля. С середины XIX в. в русской литературе начинает проследиваться критика исторических свидетельств, а также попытки реконструкции характера Аристотеля на основании содержания его трудов и завещания. Делается вывод о том, что русской литературе в целом присуще восприятие преимущественно положительных черт в характере Аристотеля.

Ключевые слова: русский Аристотель, русская философия, Аристотель, античная философия, характер.

Для цитирования: Егорова, О. С. (2023). Подходы в восприятии характера Аристотеля в русской интеллектуальной литературе (вторая половина XVIII – начало XX вв.). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 22-34. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.22-34

**APPROACHES TO THE PERCEPTION OF ARISTOTLE'S CHARACTER
IN RUSSIAN INTELLECTUAL LITERATURE
(SECOND HALF OF THE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

O. S. Egorova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
oksana12egorova@gmail.com

Abstract. The article provides a review of different genres' texts, belong to the Russian intellectual literature of the late 18th – early 20th centuries, containing some information about the Aristotle's character. The main directions of the ancient philosopher's character perception in Russian culture are singled out in the article, as well as their features and source base. The conclusion is made that the Aristotle's representation as a pious person prevailing in the literature of the 18th century are contingent on the values of the Russian culture of this period. The subsequent literary tradition has worked directly with historical and pseudo-historical evidence, until the middle of the 19th century. Just some “interesting facts” were borrowed from these evidence, and on this basis were built popular opinions about the character of Aristotle. From the mid 19th century Russian literature, the criticism of historical evidence begins to be traced, as well as attempts to reconstruct the character of Aristotle based on the content of his works and testament. It is concluded that Russian literature as a whole is characterized by the perception of predominantly positive traits of Aristotle's character.

Keywords: russian Aristotle, russian philosophy, Aristotle, ancient philosophy, character.

For citation: Egorova, O. S. (2023). Approaches to the Perception of Aristotle's Character in Russian Intellectual Literature (Second half of the 18th – early 20th centuries). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 22-34. DOI: 10.47850/RL.2023.4.2.22-34

В каждой культуре существуют сложившиеся *представления* о характерах тех или иных исторических личностей. Их формирование и трансформация обусловлены целым комплексом различных культурно-исторических факторов: от национального менталитета до конкретных событий в материальной или духовной сферах жизни общества. Изучение особенностей восприятия характеров известных деятелей в русской культуре, в частности Аристотеля как одного из крупнейших представителей философской и научной мысли, помимо решения непосредственных задач историко-философского исследования в некоторой степени включает в себе и задачу этическую. А именно исследование восприятия характера Аристотеля в интеллектуальной литературе второй половины XVIII – начала XX вв. позволяет выявить устойчивые модели представлений о личности философа. Данные модели зачастую содержат не только описания черт характера Аристотеля, но и аргументированные мнения самих авторов относительно того, почему философу приписывается соответствующая черта характера (расхождения во мнениях возможны ввиду отсутствия надежных исторических источников). И здесь выявляются различные шаблоны представлений о характере Аристотеля: от «образцового», когда философ представлен в качестве морального и нравственного образца для подражания, до абсолютно противоположного – «несовершенного», когда характер мыслителя наделяется отрицательными чертами для наглядного предостережения читающей публики. Это позволяет сделать выводы о том, какими чертами характера коллективная память наделяла философов, и в частности Аристотеля. Кроме того, выявление подобных моделей не только показывает исторические представления о конкретных персоналиях, но оно также дает возможность определить смысловые коннотации, которыми наделялись отдельные черты характера в русской культуре исследуемого периода.

Исторически о характере Аристотеля мы можем судить, основываясь преимущественно на скурых свидетельствах Диогена Лаэртского и Элиана, а также анализируя биографические факты из некоторых других источников и наследие самого философа. А. Ф. Лосев кратко характеризует сообщения античных авторов, делая вывод, что в молодости Аристотель мог обладать некоторой развязностью и щегольством, а в зрелые годы быть тщеславным [Лосев, Тахо-Годи, 1993, с. 190-191]. Что касается русской интеллектуальной литературы второй половины XVIII – начала XX вв., то упоминания о характере Аристотеля здесь относительно редки и весьма фрагментарны. Однако в них отчетливо прослеживаются несколько различных подходов, каждый из которых обусловлен культурным контекстом изучаемой эпохи, имеет свои специфические особенности и исторические корни.

Первый из выделенных нами подходов к реконструкции восприятия характера Аристотеля имеет глубокие корни в русской культуре. Речь идет о восприятии философа не только как интеллектуально одаренной личности, но и одновременно как добродетельного, высоконравственного человека, ведущего благочестивую жизнь.

Подобные суждения о философах (и об Аристотеле в их числе) существовали на Руси на протяжении веков [Громов, 2010, с. 4-5, 8; Чумакова, 2005, с. 61]. Устойчивое восприятие Аристотеля (как на Руси, так и в изучаемый период) как учителя Александра Македонского также наложило отпечаток на данную традицию. Так, в литературе Аристотеля воспринимали не просто как человека, *подающего пример* благочестивой жизни, но и *обучающего* данному образу жизни своих учеников, и в первую очередь царя Александра. Данное восприятие во многом способствовало формированию представлений о соответствующих чертах характера философа. Проследим эту особенность на конкретных примерах.

Наиболее полный облик благочестивого Аристотеля представлен в повести Д. И. Фонвизина «Каллистен» (1786 г.) [Фонвизин, 1959, с. 28-39]. Здесь философу приписываются такие черты характера, как *честность* и *прямота*: он всегда и всем говорит правду, избегает любых проявлений и воздействий лести и лицемерия. По мнению Фонвизина, для философа (не только Аристотеля, а вообще) *следование истине*, даже перед лицом страданий и смерти, является благородным стремлением. Идеал жизни таких людей автор сводит к порицанию злых дел и восхвалению добрых. Данными качествами в повести в полной мере наделен не только Аристотель, но и его ученик Каллистен.

От древнерусской традиции здесь сохраняются лишь общие представления об Аристотеле как о человеке, ведущем благочестивый образ жизни. Рассмотренные нами частности, на которых Д. И. Фонвизин делает акцент, имеют отношение уже сугубо к эпохе российского Просвещения и социально-политическим взглядам самого автора. Повесть Фонвизина – весьма злободневное произведение, где, осуждая тотальное подхалимство, лесть и ложь при дворе Екатерины II, автор в лице Каллистена создает портрет идеального государственного деятеля, ведущего подобающий образ жизни и избегающего данных пороков. Исторический Каллистен, казненный Александром за откровенность в разговоре с государем, прекрасно подходил на эту роль. Аристотель выступает в произведении в качестве второстепенного персонажа, однако автор и на него распространяет качества, приписываемые Каллистену, фиксируя их преемственность от учителя к ученику. Можно сказать, что в повести стремление Аристотеля к «божественной истине» [Сковорода, 1973, с. 211-212] сменяется иной истиной, не менее благородной, но более практической.

Также в русской литературе встречаются отдельные упоминания о возвышенных моральных принципах Аристотеля, широте его нравственного кругозора [Трубецкой, 1908, с. 55]. Сообщается, что добродетели и правила благочестивой жизни, которыми обладал философ, были переданы Александру Македонскому, что способствовало формированию личности царственного ученика [Курганов, 1818, с. 336; Гогоцкий, 1857, с. 57], однако полученное воспитание не уберегло Александра от таких пороков как славолубие и страсть к завоеваниям [Нечаев, 1835, с. 53]. В изучаемый период подобные представления являются наиболее ярким примером модели, согласно которой философ воспринимался в качестве образца духовно возвышенного и нравственного человека.

Перечисленные отголоски древнерусской традиции представлений о характере Аристотеля редки в исследуемый период и заметно уступают место иному подходу. Зачастую русская интеллектуальная литература XVIII – начала XX вв. в описании характера Аристотеля опирается на тексты исторических и псевдоисторических свидетельств. Здесь нет

такого единообразия мнений, как в вышеописанном подходе. Если в XVIII – начале XIX вв. подлинность сведений, выборочно заимствованных из трудов античных авторов (либо работ, к ним восходящим), не подвергалась сомнению (скорее, русские авторы зачастую интерпретировали факты в угоду собственным интересам), то приблизительно с середины XIX в. подход к интерпретации источников кардинально изменился. Отечественные авторы вслед за научными воззрениями своей эпохи не только начали подвергать критике ряд исторических свидетельств, но и предприняли попытки реконструкции черт характера Аристотеля, основываясь на анализе содержания трудов философа.

Так, философ-энциклопедист и ученый Г. Н. Теплов в своей работе «Знания, касающиеся вообще до философии» (1751 г.), ссылаясь на Диогена Лаэртского, пишет следующее о характере Аристотеля. Будучи большим интеллектуалом, Аристотель не поддавался влиянию славы, не стал «диким и необходимым человеком», но был «чист, приборен, поступок честных, добрый друг» [Теплов, 2010, с. 121]. Это не прямое цитирование «Жизнеописаний великих философов», а скорее авторские выводы из главы об Аристотеле, преимущественно из изречений, приписываемых Диогеном Аристотелю. Также Г. Н. Теплов упоминает и такие качества Аристотеля, как *остроумие* (в том числе благодаря которому философ впоследствии приобрел славу на научном поприще)¹ и юношеское *своеволие* (из-за которого Аристотель бросил обучение, когда жил у Проксена) [Теплов, 2010, с. 120, 122], уже не имеющие отношения к труду Диогена.

В одном из номеров первого в России детского журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1789 г.) содержится пересказ разговора Аристотеля с глупцом, также заимствованный из «Жизнеописаний великих философов». В современном переводе М. Гаспарова он звучит так: «Один болтун, сильно докучавший ему [Аристотелю] своим пустословием, спросил его: “Я тебя не утомил?” Аристотель ответил: “Нет, я не слушал» [Диоген Лаэртский, 2011, с. 194]. В XVIII в. переводе на русский язык данный пассаж передается немного иначе: «Болтун остановил философа на улице и начал рассказывать ему вздорные вещи, приговаривая: “Не чудно ли!”. “Это не так чудно, – сказал Философ, – как то, что человек, имеющий ноги, может стоять и слушать твое пустословие”» [Детское чтение для сердца и разума, 1789, с. 63]. В данном случае нам важна не разница переводов, а интерпретация последнего текста. Из него можно заключить, что в XVIII в. Аристотеля представляли как человека, *не терпящего пустословие* и праздные разговоры, *правдиво и прямо высказывающего* собеседнику свои суждения, не беспокоясь о том, как их воспримут. В одной из сказок (1817 г.) русского баснописца и романиста А. Е. Измайлова Аристотель также упоминается как человек, который даже в шутку не любил лгать [Измайлов, 1817, с. 38]. Учитывая контекст сказки, по всей видимости, данная отсылка восходит к изречению Аристотеля о лжи, которое приводит Диоген Лаэртский: «... на вопрос, какой прок людям лгать, он [Аристотель] ответил: “Тот, что им не поверят, даже когда они скажут правду”» [Диоген Лаэртский, 2011, с. 192]. Основываясь на данных свидетельствах, можно заключить, что собирательно по своему характеру Аристотель представлен здесь неким спокойным, рассудительным человеком, обдумывающим свои слова, говорящим только правду и всегда

¹ Под «остроумием» в данном случае имеется в виду изобретательность и острота ума Аристотеля, а не его способность шутить.

произносящим то, что действительно думает. Примечательно, что оба упомянутых текста имеют дидактическую направленность. Это отражено в выборке «исторических фактов» о философе и сугубо положительном описании его характера. Нельзя утверждать, что перечисленные особенности отражают черты характера исторического Аристотеля, тем более что мы не имеем подтверждающих это подлинных исторических свидетельств. Вероятнее всего, здесь выражены уже позднейшие представления, основанные на базе сформировавшихся взглядов об Аристотеле преимущественно как о философе-ученом.

Обратимся теперь к очерку «Аристотель» [Аристотель, 1785, с. 231-247], опубликованному в журнале «Утренний свет» (1777 г.). Он представляет собой анонимный перевод на русский язык главы об Аристотеле из «Жизнеописаний великих философов» Диогена Лаэртского. Сравним описание характера философа, представленное в переводе XVIII в., с переводом «Жизнеописаний», сделанным М. Л. Гаспаровым (1979 г.). В современном переводе мы не находим прямых свидетельств о характере Аристотеля и можем судить о нем, лишь анализируя завещание и изречения, приписываемые философу. Однако в русском переводе XVIII в. (по всей вероятности, сделанном с работы французского ученого Жюль Менажа «Diogenes Laertius», 1663 г.) содержатся некоторые интересные характеристики. Так, философу, со ссылкой на других античных авторов, приписаны «суеславие» и «легкомыслие раздорщика» [Аристотель, 1785, с. 237]. Сравнение текстов показало, что это вызвано неточностью перевода, но подобные искажения изначального смысла передаваемого текста вполне могли влиять на формирование представлений о характере Аристотеля в русской культуре.

За исключением очерка из «Утреннего света», вышеприведенные примеры из русской литературы XVIII – начала XIX вв. фиксируют лишь положительные черты характера Аристотеля. Однако в XVIII в., как отмечено в начале раздела, не все авторы разделяли подобное мнение. В русской интеллектуальной литературе встречаются иные трактовки исторических и псевдоисторических свидетельств, акцентирующих внимание на отрицательных чертах характера Аристотеля.

Ярким примером подобных воззрений может служить творчество И. А. Крылова. Особый интерес для нашего исследования представляет письмо XL «От Эмпедокла к волшебнику Маликульмульку» [Крылов, 1945, с. 221-229] из «Почты духов» (1789 г.). В этом письме дух философа Эмпедокла, который посмертно предпочел тщеславию тихую жизнь за чтением хороших книг, рассуждает о пороках человеческой природы. Его устами И. А. Крылов показывает читателю недостатки в характерах и поступках известных людей – Аристотеля, Лейбница и Декарта, чтобы наглядно продемонстрировать отрицательные черты всех людей вообще. Нас интересуют те особенности характера или «природные свойства», которыми Крылов наделяет Аристотеля, а также их конкретные проявления в поступках философа. Разбирая их, попутно обратимся к историческим свидетельствам, послужившим основой для формирования подобных представлений.

Рассмотрим вышеобозначенное письмо из «Почты духов». В числе недостатков Аристотеля И. А. Крылов называет следующие: *любовь к богатству, тщеславие и неблагодарность* [Крылов, 1945, с. 223-224]. По его мнению, философ не меньше других людей любил богатство и, более того, называл его «совершенным благом» [Крылов, 1945, с. 223]. Данное утверждение Крылов строит, опираясь на текст «Разговоров в царстве

мертвых» Лукиана из Самосаты [Лукиан Самосатский, 2001, с. 385]. В этом источнике содержится следующий пассаж об Аристотеле, произнесенный Александром Македонским: «Мудрец? Он хуже всех льстецов! Позволь уж мне знать все, что касается Аристотеля, чего он требовал от меня, чему меня учил, как он злоупотреблял моей любовью к науке, лстя мне и восхваляя меня, то за красоту, которую он называл частью добра, то за мои деяния, то за богатство; он доказывал, что богатство – тоже благо, чтоб ему, таким образом, не было стыдно принимать подарки» [Лукиан Самосатский, 2001, с. 385]. Вслед за античным сатириком, И. А. Крылов делает акцент на том, что Аристотель использовал утверждение о богатстве как благе сугубо в корыстных целях – для получения от Александра всех необходимых финансовых средств [Крылов, 1945, с. 223].

Об аристотелевском тщеславии И. А. Крылов пишет следующее. По его мнению, прижизненная слава Аристотеля, как и пути, которыми она достигалась, были ложными. Тщеславие философа заключалось в том, что его взгляды были «вздорными», «нелепыми», «лживыми» [Крылов, 1945, с. 223] и предназначались преимущественно для того, чтобы вводить людей в заблуждение, тем самым прославляя самого себя. Проявление тщеславия Аристотеля Крылов находит и в «странной смерти» [Крылов, 1945, с. 186] философа. Здесь имеется в виду распространенная со времен Античности легенда о том, как якобы раздосадованный Аристотель бросился в воду и утонул, будучи не в состоянии понять природы приливов и отливов.

Неблагодарность Аристотеля (а отчасти и тщеславие), по мнению И. А. Крылова, наиболее ярко проявлялась в его отношениях с Платоном. Будучи обязанным учителю всеми своими знаниями, Аристотель не упускал ни одного случая, чтобы оскорбить личность или сочинения Платона [Крылов, 1945, с. 224]. Подобные воззрения о неблагодарности философа восходят к сомнительным мнениям позднеантичных авторов. Так, И. А. Крылов демонстрирует, что вопреки распространенным представлениям об известных личностях как о тех, кому присуще презрение к славе, мудрость и душевное спокойствие, в действительности они обладают многочисленными пороками [Крылов, 1945, с. 183, 186]. Данные представления, во многом обусловленные дидактической направленностью «Почты духов», являют собой пример модели «несовершенного» Аристотеля со всеми его пороками и недостатками. Примечательно, что среди всех вышеперечисленных авторов И. А. Крылов единственный, кто был самоучкой и не получил традиционного систематического образования. Если прочие авторы при описании характера Аристотеля так или иначе придерживаются суждений, находящихся в русле уже сформировавшейся русской традиции, то у И. А. Крылова эта связь отсутствует.

В первой половине XIX в. в русской интеллектуальной литературе меняется отношение к историческим свидетельствам об Аристотеле: факты, приводимые в античных текстах, используются более осторожно, а сомнительные данные зачастую замалчиваются. В этот период можно обнаружить зачатки смены «текстовой парадигмы», когда одни исторические свидетельства (наиболее устоявшиеся в культуре) подвергаются критике и предпочитают другим. Особенно эта тенденция проявляется в 1830-е гг. в статье С. Я. Нечаева, где отсутствуют какие-либо отсылки на свидетельства о характере и поступках Аристотеля,

приводимые нами выше, и намечаются попытки критики текстов античных авторов [Нечаев, 1835, с. 53]. Тем не менее, автор приписывает Аристотелю другой набор негативных качеств, таких как *честолюбие и своекорыстие* [Нечаев, 1835, с. 54].

В последующий период русские авторы активно критикуют исторические свидетельства. Вслед за научными доводами эпохи начинают меняться представления о достоверности тех или иных текстов и мнений, высказанных античными авторами, и, следовательно, правдивости приводимых в них биографических фактов об Аристотеле. Также в интеллектуальной литературе предпринимаются попытки реконструкции биографии философа и, в частности, черт его характера, опирающиеся на анализ наследия Аристотеля.

Так, ученый, философ и богослов С. С. Гогоцкий, исходя из известных фактов о жизни Аристотеля, а также на основании анализа завещания философа, оспаривает представления о *неблагодарности* Аристотеля по отношению к своим благодетелям. В частности, речь идет о взаимоотношениях Аристотеля с Проксеном и Платоном. Гогоцкий считает несправедливыми подобные *мнения* позднейших античных авторов и в качестве их опровержения опирается на *факты*, иногда содержащиеся в тех же сомнительных свидетельствах. Например, «неблагодарность» Аристотеля к Проксену Гогоцкий опровергает свидетельствами о том, что после смерти своего опекуна философ установил статую Проксену и его жене, усыновил их сына, выдал замуж за него свою дочь [Гогоцкий, 1857, с. 54]. По мнению С. С. Гогоцкого, человека, совершившего подобные поступки, нельзя назвать неблагодарным. Подобные преувеличенные приписки позднейших авторов, по мнению русского ученого, основаны на изначальном суждении Платона об Аристотеле как о человеке с «едким характером» и «суетной заботливостью о себе» [Гогоцкий, 1857, с. 54]. Гогоцкий не пишет этого напрямую, но можно заключить, что он наделяет Аристотеля такими чертами характера как *благодарность* и *признательность* людям, оказавшим ему благодеяния. Это качество характера проявляется и в поступке философа по отношению к своей малой родине. Стагиры, как известно, были восстановлены Филиппом Македонским по просьбе Аристотеля [Гогоцкий, 1857, с. 56].

Анализируя наследие философа, С. С. Гогоцкий также считает несостоятельными мнения о нем как о *спорщике*. Подобная черта характера Аристотеля, резко и порой нелюбезно критикующего учения Платона, Исократы и Ксенократа, известна из работ позднейших авторов. Однако, по мнению С. С. Гогоцкого, если обратиться непосредственно к трудам Аристотеля, мы найдем в них лишь сдержанную критику. Следовательно, подобные, отчасти негативные представления об Аристотеле как о спорщике не имеют оснований [Гогоцкий, 1857, с. 55].

Также для С. С. Гогоцкого Аристотель – человек, которому не были чужды настоящая *дружба* и *любовь*. Он пишет, что вопреки мнениям позднейших авторов (в частности, Тертуллиана) [Гогоцкий, 1857, с. 56]), Аристотель был искренне опечален смертью друга Гермия, о чем свидетельствуют гимны, сочиненные в его честь. А о любви к жене Пифиаде и, видимо, о счастливой семейной жизни свидетельствует пункт завещания, где Аристотель просит похоронить себя вместе с ней [Гогоцкий, 1857, с. 56]. Однако здесь есть некоторая

историческая неточность. Как известно, Аристотель не просил похоронить себя с умершей ранее его Пифиадой, а лишь распорядился, чтобы исполнили ее распоряжение: захоронить останки жены там, где будет похоронен он сам [Диоген Лаэртский, 2011, с. 192].

Философ, врач и историк медицины С. Г. Ковнер также критикует мнения позднеантичных авторов об Аристотеле. Однако у него практически отсутствуют непосредственные описания характера и поступков философа. Отметим лишь, что в контексте разъяснения термина «перипатетическая школа» Ковнер упоминает о «живости» [Ковнер, 1888, с. 32] характера Аристотеля, который не мог преподавать, стоя на месте во время занятий. Также, основываясь на стилистических особенностях содержания текста, отчасти отражающих личные взгляды автора (например: Аристотель просил восстановить разрушенные Стагиры; был «огорчен» смертью Каллисфена; навлек на себя политические подозрения, потому что был «иностранцем»; сбежал от судебного приговора из благородных побуждений, чтобы исключить повторного «преступления против философии» [Ковнер, 1888, с. 31-33]), складывается представление, что для С. Г. Ковнера Аристотель честный, благонравный человек, которому не чужды дружба и благодарность. Эти черты характера отчасти напоминают описанные ранее представления об Аристотеле как о благочестивом философе.

Еще один источник – статья об Аристотеле в первом издании известной русской универсальной энциклопедии «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» [Аристотель, 1890, с. 91-93]. Здесь негативные черты характера философа, такие как *насмешливость* и *язвительность* [Аристотель, 1890, с. 92], по мнению автора статьи, являются следствием нападков недоброжелателей, знавших Аристотеля при жизни. После смерти мыслителя они, завидуя его хорошим отношениям с Платоном, высоким положением при Македонском дворе, женитьбе на родственнице Гермия, а также личным качествам Аристотеля – ловкой, логичной, всегда остроумной речи [Аристотель, 1890, с. 92], всячески извращали посмертную память о философе. Вопреки подобным мнениям, обращаясь к сочинениям Аристотеля, автор описывает его как человека «с глубокой, искренней любовью к правде, ясным пониманием действительности» [Аристотель, 1890, с. 92].

Весьма схожие взгляды изложены в работе философа С. Н. Трубецкого. Он также считал, что многочисленные рассказы о характере Аристотеля, в частности, о его *неблагодарности*, передаваемые античными писателями, являются следствием вражды позднейших философских школ [Трубецкой, 1908, с. 53, 55]. Опираясь на труды Аристотеля, С. Н. Трубецкой преимущественно описывает его профессиональные качества как ученого. Однако здесь можно выделить черты, отчасти свидетельствующие и о характере философа, как его представлял себе С. Н. Трубецкой: «широкий нравственный кругозор», жизнь исключительно «умственным трудом», «понимание дружбы», «возвышенный взгляд на все лучшие чувства в человеке». Также, опираясь на стилистические особенности трудов Аристотеля, «блещущих остроумием», Трубецкой приходит к выводу о справедливости упреков философа в *насмешливости* [Трубецкой, 1908, с. 55-56].

Описание характера Аристотеля также присутствует в работе Е. Ф. Литвиновой. Однако здесь философ отчасти представлен в образе некоего романтического героя: пылкого, честного, щедрого, ценящего дружбу и всегда воздающего должное окружающим. Даже

факты из жизни Аристотеля в некоторых случаях преподносятся так, словно сошли со страниц романа. Например, его женитьба на Пифиаде подана следующим образом: Аристотель из благородных побуждений женился на «беззащитной», «оставшейся без средств к существованию» сестре умершего друга, и их совместный побег «спас жизнь» девушке, избавив ее от «гнева персидского царя» [Литвинова, 1892, с. 15]. Первая часть описаний жизни и характера Аристотеля, приведенных в главе, написаны в подобном духе и преимущественно являются вольным авторским пересказом соответствующего раздела из работы «Жизнь Аристотеля» Дж. У. Блейкли («A life of Aristotle: including a critical discussion of some questions of literary history, connected with his works», 1839 г.). Аристотель-юноша представлен здесь *привыкшим много читать* (что было редкостью для того времени) и *обходительным* с людьми из разных сословий [Там же, с. 7-8]. Е. Ф. Литвинова неоднократно упоминает о «*крайней живости*» характера Аристотеля, его «*пылкости*» [Там же, с. 8], что проявлялось в несдержанности в еде (имеется в виду не неумеренность, а скорее изысканность в выборе блюд) и одежде, интересе к женщинам, прогулкам во время проведения занятий [Там же, с. 12, 17]. Именно подобный свободный образ жизни Аристотеля, не вполне соответствующий представлениям современников Стагирита об образе жизни истинного философа, по мнению Литвиновой, и стал основанием для позднейшей клеветы [Там же, с. 12]. Также отмечается, что вопреки распространенному стереотипу, Аристотель *вовсе не был безучастен к действительности*, он «умел глубоко и сильно чувствовать» [Там же, с. 15]. Философ *ценил дружбу*, был искренне привязан к Проксену, Филиппу, Платону, Гермия, Пифиаде, память которых чтит [Там же, с. 8, 14, 18]. Отличительной чертой характера Аристотеля Е. Ф. Литвинова называет «*сдержанную страстность*» [Там же, с. 10]. Она проявлялась, например, в том, что, несмотря на тягу к знаниям, Аристотель не позволил себе отправиться в Академию Платона, пока не перенял всю мудрость Проксена [Там же, с. 10]. Другой важной чертой характера Аристотеля является «*чувство меры*», присущее философу «*всегда и во всем*» [Там же, с. 16]. Аристотель поражал насмешками Исократ (т. е. был *насмешлив*). Однако, сглаживая негативный оттенок данного факта, Литвинова указывает, что Исократу было уже около 80 лет, и с ним, собственно, и «не стоило сражаться»; к тому же Аристотель полемизировал не столько с Исократом, сколько со всеми софистами в его лице [Там же, с. 13].

Во второй части своего описания Е. Ф. Литвинова делает попытку реконструкции характера Аристотеля, опираясь на содержание его завещания. Она повторно опровергает представления об Аристотеле как о человеке, «равнодушном ко всему житейскому, вззирающему с высоты своего величия на мелочи жизни». В противоположность этому, по мнению Литвиновой, философу были присущи *заботливость* о близких, *нежность*, *истинная привязанность*. Это отчасти проявлялось даже в отношениях к рабам, в которых Аристотель видел «тех же людей». «*Тесное общение с действительностью и внимательное отношение ко всему окружающему*» – ключевая черта, отличающая Аристотеля от других философов [Литвинова, 1892, с. 21]. По ее мнению, Аристотель прожил «честно, свободно и просто», он не совершил «никаких нравственных подвигов». Однако именно такой и должна быть жизнь человека, занимающегося умственным трудом [Там же, с. 22].

В заключение приведем еще один пример, содержащийся в автобиографической работе русского философа и литературоведа коми-зырянского происхождения К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» [Жаков, 1914]. Данное произведение представляет собой особое явление в русской интеллектуальной литературе, его содержание полно символизма, а повествование практически превращено в сказку. Касаясь ключевых моментов автобиографии, автор отправляет своего героя в необычное путешествие сквозь время. Общаясь с тенями великих мудрецов (в том числе Аристотеля), герой ищет ответы на волнующие его вопросы о смысле жизни. Примечательно, что здесь содержится описание внешнего вида и отчасти характера Аристотеля. В автобиографии философ представлен *насмешливым* и *самолюбивым* человеком. В его образе величественно все – мантия, взгляд, речь. О самолюбии дополнительно свидетельствует неоднократное, намеренное самоцитирование [Жаков, 1914, с. 72, 75]. Подобное представление о характере Аристотеля, на наш взгляд, является стереотипным для описываемой эпохи.

Таким образом, за относительно короткий исторический период (со второй половины XVIII до начала XX вв.) в русской интеллектуальной литературе прослеживается несколько подходов в описании характера Аристотеля. Восприятие философа как некоего благочестивого человека, ведущего соответствующий образ жизни и обучающего ему окружающих, имеет корни в русской культуре. Преимущественно подобные взгляды были распространены в литературе XVIII в. Самым ярким примером служит повесть Д. И. Фонвизина «Каллистен». Однако значительно чаще в изучаемый период русские авторы обращались напрямую к историческим и псевдоисторическим свидетельствам (либо работам, их содержащим). Приблизительно до середины XIX в. происходило заимствование фактов, на основе которых строились представления о характере Аристотеля. Чаще описывались положительные черты, и лишь в исключительных случаях характеру философа приписывались негативные аспекты. Последнее наиболее ярко прослеживается в творчестве И. А. Крылова. С середины XIX в. подход к восприятию источников меняется: вслед за зарубежными коллегами исторические свидетельства активно критикуются русскими авторами, а также предпринимаются попытки реконструкции характера Аристотеля, основываясь на содержании его трудов и завещания. Это способствовало переоценке некоторых суждений об Аристотеле (в частности, о неблагодарности философа) и расширению набора представлений о его характере (например, появляются представления о проявлении в поступках философа чувств дружбы и любви). Но, как и ранее, в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв. зачастую описываются преимущественно положительные черты характера Аристотеля.

Список литературы / References

Аристотель. (1785). *Утренний свет*. Ч. V. 2-е изд. М. С. 231-247.

Aristotle. (1785). *Morning light*. Pt. V. 2nd ed. Moscow. pp. 231-247. (In Russ.)

Аристотель. (1890). *Энциклопедический словарь*. Т. II. Араго–Аутка. Ред. И. Е. Андреевский. СПб. С. 91-93.

Aristotle. (1890). *Encyclopedic Dictionary. Vol. II. Arago–Autka*. Andreevsky, I. E. (ed.). St. Petersburg, pp. 91-93. (In Russ.)

Гогоцкий, С. С. (1857). Аристотель. *Журнал министерства народного просвещения*. Ч. ХСVI. Отд. V. С. 53-84.

Gogotsky, S. S. (1857). Aristotle. *Journal of the Ministry of National Education*. Pt. ХСVI. sec. V. pp. 53-84. (In Russ.)

Громов, М. Н. (2010). *Образы философов в Древней Руси*. М.

Gromov, M. N. (2010). *The Images of Philosophers in Old Russia*. Moscow. (In Russ.)

Детское чтение для сердца и разума. (1789). Ч. XIX. М.

Children's Reading for Heart and Mind. (1789). Pt. XIX. Moscow. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. (2011). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова. М.

Diogenes Laertius. (2011). *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*. Gasparov, M. L. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Жаков, К. Ф. (1914). *Сквозь строй жизни*. Ч. 3. Вып. I. СПб.

Zhakov, K. F. (1914). *Through the fabric of life*. Pt. 3. Iss. I. St. Petersburg. (In Russ.)

Измайлов, А. Е. (1817). *Новые басни и сказки*. СПб.

Izmailov, A. E. (1817). *New fables and fairy tales*. St. Petersburg. (In Russ.)

Ковнер, С. Г. (1888). *Очерки истории медицины*. Вып. 3. Платон. Киев. С. 28-129.

Kovner, S. G. (1888). *Essays on the history of medicine*. Iss. 3. Plato. Kyiv. pp. 28-129. (In Russ.)

Крылов, И. А. (1945). Почта духов. *Крылов И. А. Полное собрание сочинений*. Т. 1. М. С. 11-280.

Krylov, I. A. (1945). Spirit mail. *Krylov I. A. Full composition of writings*. Vol. 1. Moscow. pp. 11-280. (In Russ.)

Курганов, Н. Г. (1818). *Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия*. Ч. 1. 9-е изд. СПб.

Kurganov, N. G. (1818). *A letter book containing the science of the Russian language with many additions of various educational and usefully amusing verbiage*. Pt. 1. 9th ed. St. Petersburg. (In Russ.)

Литвинова, Е. Ф. (1892). *Аристотель, его жизнь, научная и философская деятельность*. СПб.

Litvinova, E. F. (1892). *Aristotle, his life, scientific and philosophical activity*. St. Petersburg. (In Russ.)

Лосев, А. Ф., Тахо-Годи, А. А. (1993). Аристотель. Лосев А. Ф. Платон. Аристотель. М. С. 177-366.

Losev, A. F., Takho-Godi, A. A. (1993). Aristotle. Losev A. F. Plato. Aristotle. Moscow. pp. 177-366. (In Russ.)

Лукиан Самосатский. (2001). *Сочинения*. В 2 т. Т. 1. Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб.

Lucian of Samosata. (2001). *Works*. In 2 vols. Vol. 1. Zaitsev, A. I. (ed.). St. Petersburg. (In Russ.)

Нечаев, С. Я. (1835). Аристотель. *Энциклопедический лексикон*. Т. 3: АРА–АФО. СПб. С. 52-54.

Nechaev, S. Ya. (1835). Aristotle. *Encyclopedic lexicon*. Vol. 3. ARA–AFO. St. Petersburg. pp. 52-54. (In Russ.)

Сковорода, Г. С. (1973). *Сочинения в двух томах*. Т. 2. М.

Skovoroda, G. S. (1973). *Works in two volumes*. Vol. 2. Moscow. (In Russ.)

Теплов, Г. Н. (2010). Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут. *Общественная мысль России XVIII века*. В 2-х т. Т. 2. М. С. 51-163.

Teplov, G. N. (2010). Knowledge relating to philosophy in general for the benefit of those who cannot read foreign books about this matter. *Social Thought in Russia in the 18th Century*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow. pp. 51-163. (In Russ.)

Трубецкой, С. Н. (1908). *История древней философии*. Ч. 2. М.

Trubetskoy, S. N. (1908). *History of ancient philosophy*. Pt. 2. Moscow. (In Russ.)

Фонвизин, Д. И. (1959). Каллисфен. Фонвизин Д. И. *Собрание сочинений в двух томах*. Т. 2. М. С. 28-39.

Fonvizin, D. I. (1959). Callisthenes. *Fonvizin D. I. Collected works in two volumes*. Vol. 2. Moscow. pp. 28-39. (In Russ.)

Чумакова, Т. В. (2005). Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. *Человек*. № 2. С. 58-69.

Chumakova, T. V. (2005). Receptions of Aristotle in Ancient Russian Culture. *Chelovek / Human*. no. 2. pp. 58-69. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Егорова Оксана Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: oksana12egorova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5213-5589>

Статья поступила в редакцию: 12.05.2023

После доработки: 09.06.2023

Принята к публикации: 20.06.2023

Egorova Oksana – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str. 8, e-mail: oksana12egorova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-5213-5589>

The paper was submitted: 12.05.2023

Received after reworking: 09.06.2023

Accepted for publication: 20.06.2023